

Юлий Айхенвальд

Глеб Успенский

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Глеб Успенский

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Глеб Успенский / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1914 — (Силуэты русских писателей)

«Одинокое и оригинальное место, которое занимает Глеб Успенский в нашей литературе, прежде всего характеризуется совершенно необычной формой его произведений. Его духовное наследие велико, он написал очень много, но только редкие из этих бесчисленных страниц образуют законченное целое. Он не только не оставил нам ни одного романа или повести, но даже и небольшие цельные рассказы его тонут в массе отрывков и набросков, в бесконечной веренице отдельных сцен и эпизодов...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Глеб Успенский

Одинокое и оригинальное место, которое занимает Глеб Успенский в нашей литературе, прежде всего характеризуется совершенно необычной формой его произведений. Его духовное наследие велико, он написал очень много, но только редкие из этих бесчисленных страниц образуют законченное целое. Он не только не оставил нам ни одного романа или повести, но даже и небольшие цельные рассказы его тонут в массе отрывков и набросков, в бесконечной веренице отдельных сцен и эпизодов. Успенский сам называл свою литературную деятельность черновой работой, материалом, который он самоотверженно подбирал для другого, будущего художника; но если даже принять такое скромное сравнение, то надо заметить, что эта черновая основа его писаний – тот драгоценный чернозем, на котором раскидываются золотые нивы желтеющего хлеба. В самом деле: его рассказы не готовы, но, читая их, вы присутствуете при самом таинстве художественного созидания, вы как бы видите пред собою рождение беллетристики. Из пены жизни выходит его любимая Венера Милосская, прекрасная богиня красоты.

Вот она, житейская действительность, отраженная Успенским в строгой форме публицистического рассуждения, – но вы не успели оглянуться, как эта статья, эта статистика, эта «черная мошкара или крупа» цифр под руками автора вдруг обращается в осязательные картины, в живые образы, и, например, нелепая статистическая дробь, «четверть лошади» на «каждую там квадратную, что ли, или ревизскую душу», – эта дробь, таящая в себе человеческое целое, «человеко-дробь», сейчас же выступает в своей горестной реальности и принимает фигуру согбенной крестьянской женщины, в семье которой нет лошади и которая поэтому, отправляясь за две версты на покос, мучительно задумывается, как ей донести своего ребенка, когда в одной руке у нее полушубок и подстилка, а в другой – коса и обед для мужа; и вот Успенский видит, что к этой женщине подходит добрый сосед-крестьянин и, после долгих опытов и раздумья, с шутивными прибаутками кое-как прилаживает девочку к матери на шею; и баба медленно, не шевелясь ни вправо, ни влево, трогается с места, и писатель мысленно идет вслед за нею и слушает ее прерывистый, задыхающийся рассказ и провожает ее на покос, где так трудно работается с четвертью лошади. Статистические таблицы непосредственно развернулись в живопись жизни.

И все эти сцены и картинки не представляют для Успенского только внешнего орнамента или виньетки, без которой можно было бы легко обойтись: нет, они прямо вытекают из его сердца и поэтической фантазии, которая воспламеняется от прикосновения к действительности; это – своеобразное проявление той «власти земли», подчинение которой было в его глазах так естественно и отрадно. Наша бедная, несчастная земля вызывает в нем душевную боль и рисуется ему в виде страдающих людей. Он и воспроизводит их страдальческие лица, намечает их сильными и выразительными штрихами; но создать из этого живого и трепещущего материала законченную художественную галерею – для этого у Глеба Успенского недостает спокойствия и объективности. Художнику перешел дорогу публицист, художник слагает свои кисти перед человеком. К Успенскому могли бы быть приложены горькие слова, сказанные про Ибсена: «В жизненной битве пал под ним крылатый конь поэзии». Сильно развитая впечатлительность не позволяет отдаваться безмятежной эстетической работе, которая требует внутреннего и внешнего досуга, – а жизнь между тем не ждет, она волнует своими ежедневными и ежечасными тревогами и неумолкаемо стучится в душу, открытую для этих тревог, для чужой скорби и жалобы. Не знает покоя беспокойный внутренний мир Успенского; и потому, чем дальше в жизнь, тем больше художественный момент теряет у него свою самостоятельность. Не то чтобы это было нормальное иссякновение таланта, скромного по своим размерам; все

горе нашего писателя именно в том и заключается, что впечатления действительности тушили в нем очень крупное дарование, очень яркую и самобытную силу.

Нельзя быть художником на ходу, на лету, а Успенский все время странствовал, все время ходил по большой дороге жизни и слушал ее голоса, ее звуки, ее немолчные разговоры, которые он и повторил во всей реальности их трагикомического содержания и даже во всех перегибах интонации. Едва ли кто-нибудь из русских писателей так много путешествовал по России, так много ездил, как Глеб Успенский. На палубе парохода, по железной дороге, большей частью в третьем классе, который «галдит, без умолку галдит во всех поездах, бегающих по русской земле», он едет, едет по родному краю, чутким слухом, чутким духом вникая во «все неурядицы, все горести и тяготы, все неудовлетворенные желания-мечтания Великой, Малой, Белой России».

Он едет, едет русскими дорогами, русским бездорожьем, едет по Волге и Каме, по Черному морю и Каспию, и всюду сам собою встречается ему тот людской материал, которого он ищет, потому что он именно – ловец, «ловец человек», и на него бежит человек. И в результате перед нами – какая-то психологическая этнография, путешествие в чужие сердца, как в чужие, но близкие страны. Непрерывное томление духа побуждает Успенского, бездомного странника, идти на огонек человеческих душ, останавливать всех и каждого, заводить разговор с другими путешественниками, с другими переселенцами, потому что все люди так интересны, у каждого есть свое интимное содержание, своя затаенная печаль, и столько можно услышать глубоких речей, и, может быть, из чьих-нибудь скромных уст нечаянно-негаданно раздастся то слово правды и света, которого жаждет истомленная душа писателя-путника. И жизнь Успенского обращается в длинный ряд дорожных встреч; многие его рассказы представляют собою разговор с каким-нибудь случайным попутчиком, и много у него таких собеседников, потому что беседа – великая потребность его внимательной и общительной души – души, в то же время любопытной и к смешному, исполненной живого юмора. И в этом последнем смысле тоже интересен Успенскому его собеседник, возможный носитель комического. Но больше, чем эта сторона, характеризует автора моральная заинтересованность человеком и его судьбой, его русской судьбой. Успенского мучит совесть, если он не поговорит «самым настоящим, самым душевным разговором», например, с этой партией добровольцев, где «зачастую попадают бриллианты искренности, доброты, простоты, самоотвержения». И эпиграфом для некоторых его произведений могли бы служить эти слова, как стон звучащие в одном из его очерков: «Боже мой, как мне страстно, как мне жадно хочется поговорить о чем-нибудь живом и услышать живое человеческое слово!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.